

УДК 930.27

В.А. Есипова

РУКОПИСИ НА БЕРЕСТЕ ИЗ ЗАИМОЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА*

Приводятся некоторые итоги палеографического описания рукописей на бересте из заимочной коллекции сибирских старообрядцев. Дается характеристика почерков, материалов и средств письма, оформления рукописей. Анализируется практика письма, использование полууставной и скорописной графики. Приводится краткая характеристика репертуара рукописей в сравнении с репертуаром рукописей на бумаге. Проведенное исследование позволяет сделать предварительные выводы о месте кириллической письменности (в частности, письма на бересте) в жизни и быту сибирских старообрядцев.

Ключевые слова: палеография, рукописи, береста, старообрядчество.

Внимание исследователей уже неоднократно привлекала коллекция берестяных рукописей, являющаяся частью заимочной (Тиуновской) библиотеки, принадлежавшей старообрядцам, проживавшим в скитах в районе р. Кеть (Томская обл.) [1–6]. Это довольно обширное книжное собрание; оно насчитывает 119 ед. и находится в разных хранилищах: в Томском областном краеведческом музее (ТОКМ) – 94 ед., в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП) – 12 ед., в Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН, г. Новосибирск) – 11 ед. Общее число рукописей на бересте, выявленных на настоящий момент, в составе собрания – 62 ед., в том числе 37 рукописных текстов разного содержания и полноты, 25 рисунков, записок и заготовок для будущих рукописей.

Коллекция описана неравномерно: описание части берестяных рукописей ТОКМ было опубликовано О.Н. Бахтиной [1], другая часть коллекции ТОКМ, инвентаризировавшаяся позже, вчерне описала Л.Н. Приль¹, рукописи, хранящиеся в ИИ СО РАН, были описаны наряду с другими рукописями коллекции ИИ [7. № 1/91, 2/91, 3/91, 2/92, 3/92], рукописи ОРКП были описаны в ходе настоящего проекта. Тексты отдельных документов коллекции опубликованы [8, 9].

Рукописи на бересте заимочной коллекции привлекают внимание в первую очередь в связи с нестандартным материалом для письма. Более известно использование бересты, например, в Новгороде в период раннего Средневековья, но при-

менение для письма бересты в XX в. кажется непривычным. Рассмотрим материал для письма более детально. Во всех рукописях использовалась пробка березы, с которой удален верхний слой и остатки луба. Возможно, листы подвергались прессовке, для того, чтобы они не сворачивались и сохраняли форму. Расположение чечевичек почти везде перпендикулярно корешку (и параллельно строке), исключения весьма редки [10. В-5901, л.2. В-5904, лл. 4–5, 8–9]. Нет ни одной рукописи, составленной полностью из листов, где чечевички были бы параллельны корешку. Из листов бересты формировались рукописи в виде кодекса. Их формат невелик и в основном аналогичен формату 8⁰ бумажной книги, ряд рукописей даже меньше. Все рукописи состоят из одной тетради, сшитой как из двойных листов бересты, так и одинарных. Об изготовлении заготовок для книг есть упоминания в документах коллекции: «Шила шиснадисить листов книгу малинькаю. Вскресения» [11. 12.676/14].

Почерки рукописей на бересте — полуустав и скоропись, их можно разделить на три группы. Большая часть рукописей переписана крупным, небрежным полууставом (первая группа) [10. В-5901, В-5902, В-5903, В-5904, В-5905, В-5906, В-5907, В-5908, В-5909, В-5910] (рис.1), имеются образцы довольно четкого и профессионального полуустава – вторая группа (рис. 2) [10. В-11.185, В-17.094], часть рукописей написана размашистой скорописью с большой вариативностью начерков отдельных букв (третья группа) [11. 12676/29]. Л.Н. Приль были сделаны предположения о принад-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №10-04-00087а.

¹ Выражаю благодарность Л.Н. Приль за возможность ознакомиться с описью.

лежности того или иного почерка отдельным представителям общины [12], а Г.Н. Старикова провела их подробный лингвистический анализ [6].

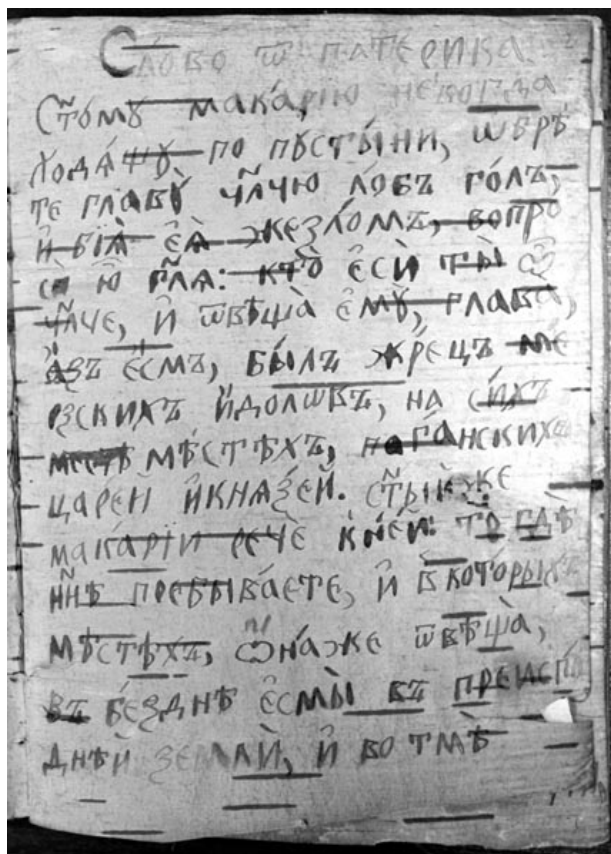


Рис. 1. Почерк первой группы (ОРКП НБ ТГУ, В-5906)

Для первых двух групп характерны те же признаки, что и для почерков других писцов, употреблявших полуустав в конце XIX – первой половине XX в. Это одни и те же начертания букв и одна система графики, но при этом, разумеется, присутствуют индивидуальные отличия. К первой группе можно отнести от 5 до 6 почерков, сходных типологически. Для более четкого разделения почерков недостаточно материала: часть их представлена совсем незначительными по объему записками. Почерки этой группы более крупные и вариабельные (высота букв порядка 3–7 мм) и имеют следующие характерные начерки: практически параллельное расположение линий в буквах «л» и «м» (при этом линии часто не только не сопрягаются, но даже не соприкасаются между собой), загнутый вправо хвост буквы «р», в буквах «в» и «б» вместо закруглений – очень ярко выраженные треугольники. Почти во всех рукописях первой группы наблюдается ярко выраженный наклон букв вправо, встречаются отдельные скорописные начерки (буквы «ы», «з», «г»). Строки неровные, даже в тех случаях, когда их направление параллельно чечевичкам; разлиновки нет. Писцы использовали традиционные приемы сокращения слов, имеющих сакральный смысл (Исус, Христос, Богородица, Бог и т.д.), обозначая такие сокращения титлом. Выносные буквы в середине слова титлом снабжались не всегда. Писцы разделяли слова интервалами, однако из-за небольшого размера листов эти интервалы не всегда

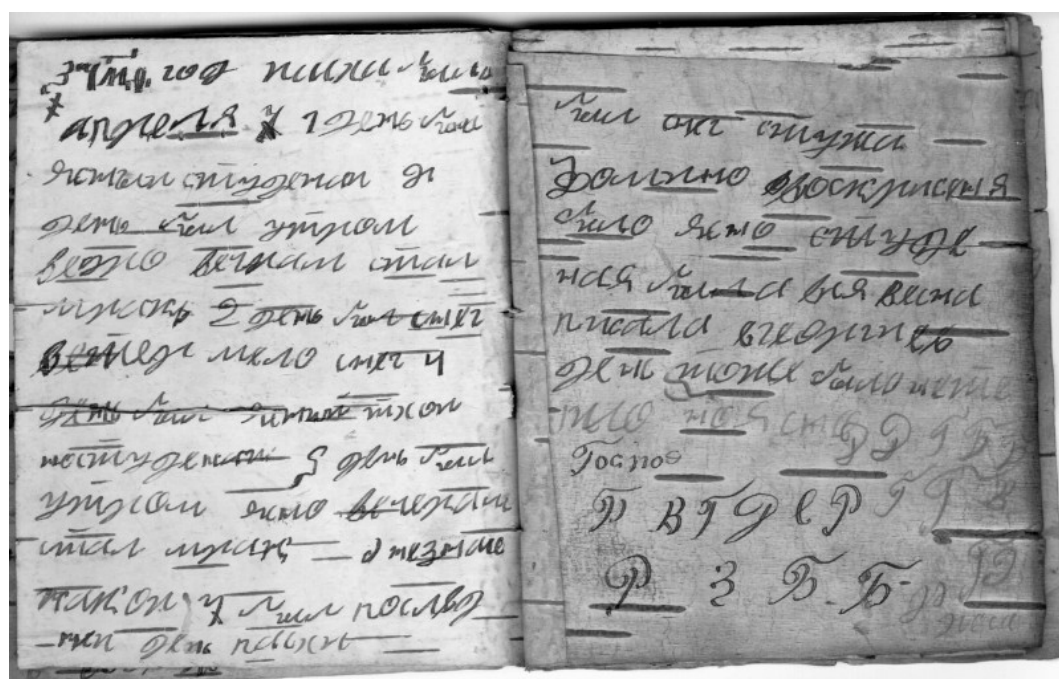


Рис. 2. Почерк второй группы (ОРКП НБ ТГУ, В-17.094)

четко выдержаны; в некоторых случаях слова написаны практически слитно – но при этом разделительные знаки не употребляются. Знаки препинания представлены точкой, которую писцы помещали не на строке, а на уровне середины букв, однако строгой системы в расстановке знаков препинания нет. Знак переноса не употреблялся. Надстрочные знаки представлены ударениями

том почерке, который Г.Н. Старикова гипотетически определяет как принадлежащий Н. Коноваловой, этой разницы совсем нет. Этот факт говорит о способах заточки пера: вероятнее всего, в данном случае перо использовалось достаточно остро заточенное, но не срезанное, что позволяло писать без сильного нажима (поэтому в записях, сделанных чернилами по бересте, отсутствует рельеф).

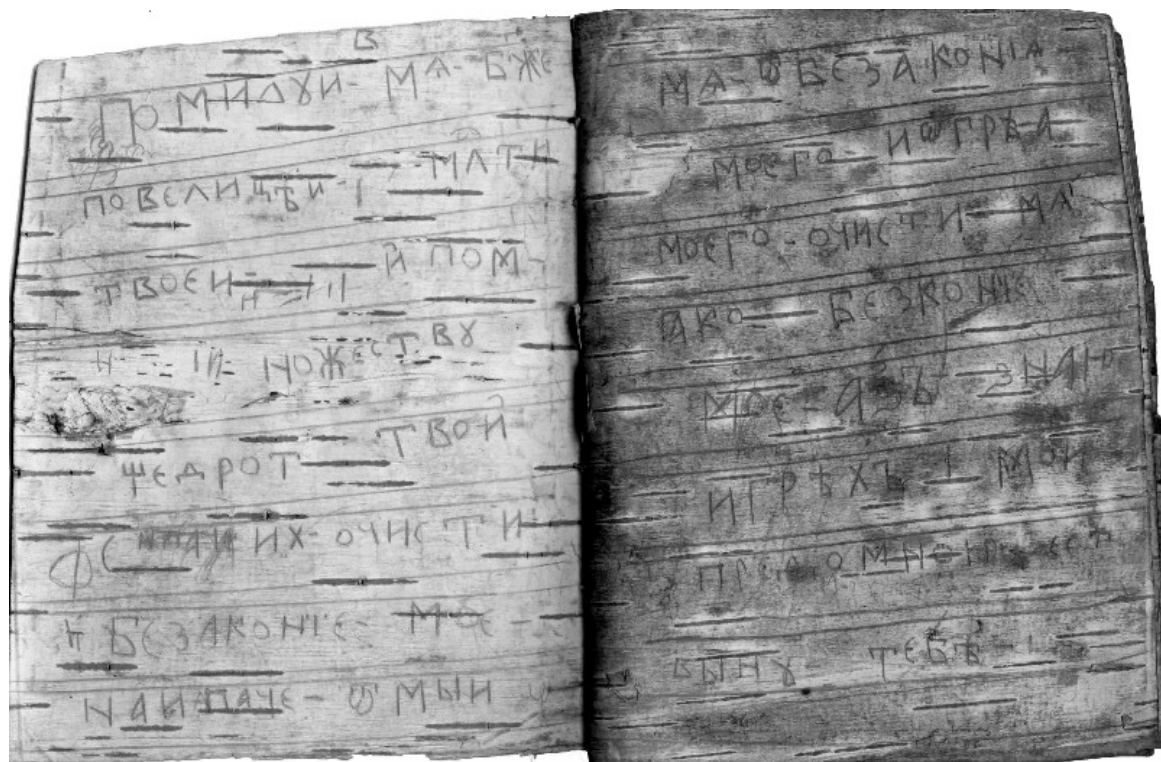


Рис. 3. Рукопись с процарапанным текстом (ТОКМ, 12.676/41)

(оксия, вария), а также знаком придыхания у некоторых гласных в начале слова [6]. В целом почерки первой группы следует признать близко сходными с почерком «Книги пасхальной».

Вторая группа представлена почерком одного писца; это более профессиональный полуустав. Он мельче и ровнее почерков первой группы (высота букв порядка 4–5 мм), в нем более четко выражены интервалы между словами и слабее выражен наклон. Строки ровнее, чем в первом случае. Интересно отметить, что в этом почерке также присутствуют отмеченные для первого случая характерные начерки отдельных букв, но они менее ярко выражены.

Для почерков третьей группы (скоропись) характерна большая вариативность начерков, очень неровные строки и размеры букв.

В почерках первой группы нет серьезной разницы между жирными и волосными линиями, а в

Такое начертание (практически без жирных и волосных) свидетельствует об однообразии приемов заточки перьев и, следовательно, слабом профессионализме писца, который, возможно, вовсе не интересовался подобными тонкостями. Более профессиональный полуустав (вторая группа), единственный из почерков заимочной коллекции, демонстрирует ясное различие между жирными и волосными линиями, что хорошо согласуется с более профессиональным выполнением этих рукописей в целом. Этот писец, очевидно, владел и более совершенными способами заточки перьев и, что немаловажно, умел правильно использовать эти перья на практике для получения желаемого эффекта.

Большая часть почерков коллекции относится к первой категории (крупный небрежный полуустав), что говорит, по крайней мере, о сходстве выучки; например, очень характерно во всех почер-

ках написание букв «в» и «б» с треугольниками вместо закруглений. Такой начерк не обусловлен особенностями материала для письма, поскольку используется перо, литеры не процарапываются, а именно пишутся.

Специально остановимся на использовавшихся средствах письма. В коллекции есть единичные рукописи, написанные не чернилами, а карандашом [10. В-5901], и одна рукопись, где текст процарапан (рис. 3) [11. 12.676/41] – кстати, это же единственный экземпляр, в котором присутствует разлиновка. Почерк этой рукописи в других экземплярах аналогов не имеет (возможно, это связано с применением специфичного для данной коллекции средства письма). Следует отметить, что для карандашных записей характерно наличие рельефа (в отличие от записей, выполненных чернилами). Это объясняется спецификой применяемого средства письма: карандаш плохо приспособлен для письма на бересте, грифель оставляет на ней довольно слабый след, поэтому при письме на карандаш необходимо надавливать сильнее, чем на перо. В результате получается рельеф, который можно определить даже на ощупь. В текстах документов коллекции есть упоминания об использовании карандаша: «Добре карандаш. Добраи но ни моиы» [11. 12.676/14], «Карандаш Валодин, карандаш Валодин» [11. 12.676/29].

В рукописи, в которой литеры процарапаны, имеется ряд отличий от почерков первой группы, относительно близких к ней типологически. В ней заметна общая для остальных почерков черта: треугольники вместо закруглений в буквах «б» и «в», однако в целом почерк производит впечатление более небрежного. В основном оно складывается из-за того, что, несмотря на разлиновку, писец практически не ориентировался на прочерченные линии, буквы не стоят на строке, размеры их сильно варьируются. Способ письма определяет отсутствие жирных и волосных линий. Также характерно наличие незначительных по размеру «невольных» дополнительных штрихов, которые возникают от того, что при характеризуемом способе письма движущуюся руку сложнее остановить, чем в случае использования карандаша и тем более пера.

По мнению Г.Н. Стариковой, в рукописях, переписанных Н. Коноваловой (в частности, в «Книге пасхальной»), наблюдается четкое разделение: сакральные тексты писались полууставом, личные, бытовые – курсивом (скорописью) [6. С. 37]. Однако этот тезис не подтверждается результатами рассмотрения остальных экземпляров коллекции. Во-первых, в составе коллекций ОРКП и

ТОКМ есть ряд бытовых записок, выполненных не скорописью, а полууставом (например, запись счета яиц, снесенных разными курами) [10. В-5908, В-5909, В-5910; 11. 12.676/1, 12.676/1 и др.]. Во-вторых, если привлекать аналогии из коллекции рукописей ОРКП, то можно отметить, что в старообрядческих рукописях с начала XIX в. скоропись используется для переписки сакральных текстов наряду с полууставом довольно широко [10. В-5625, В-5305, В-5434, В-1245, В-8481, В-9432, В-9768, В-9772 и др.].

В целом все, сказанное о почерках, следует понимать как размывание, редуцирование графической традиции, утрату однозначной связи в паре «текст – способ его воспроизведения». Как видно на примере рассматриваемой коллекции, в изолированных старообрядческих скитах этот процесс еще продолжался в середине XX в.

Оформление рукописей подтверждает это впечатление. Например, переписанное Н. Коноваловой житие Алексия, человека Божия, хранящееся ныне в ТОКМ [11. 7369], оформлено далеко не в соответствии с традициями «древнего благочестия», о чем сообщает Л.Н. Приль. Экземпляр «оклеен измятой оберточной бумагой, видны следы клея, к рукописи приплетен образец вышивки цветочного орнамента, переведенный, вероятнее всего, из женских журналов «Работница» или «Крестьянка»». В целом украшения рукописей сводятся к использованию чернил другого цвета; иногда инициалы украшены орнаментальными отрезками или окружены кругом, составленным из отдельных точек. Имеющиеся в составе коллекции рисунки не являются иллюстрациями к сакральным текстам; все они выполнены в одну линию на отдельных листах с использованием тех же чернил, что и при написании текстов. Тематически это животные, явления, люди, повседневно окружавшие скитников: курица с петухом, медведь, охотник (рис. 4) [11. 12.676/6, 12.676/7, 12.676/8].

В качестве переплёт рассматриваемых рукописей также использовалась береста, но, как правило, брался более толстый слой пробки, иногда даже с фрагментами луба [11. 7327, 7336 и др.]. Отмечено два способа брошюровки берестяных книг: традиционная тетрадная брошюровка из двойных листов и прошив листов через край. Отметим, что в первом случае книгу необходимо было сброшюровать и прошить заранее, а во втором существовала возможность брошюровки отдельных, написанных заранее листов, а также возможность дополнения сшитого ранее блока. В составе коллекции имеются рукописи, написанные на бумаге, но в переплете (обложке) из бересты, всего

их 11. Следует отметить, что использование бересты для изготовления обложки не является специфичной чертой данной коллекции. Так, в фонде ОРКП имеется Канонник начала XIX в. [10. В-5713], при переплете которого вместо досок была использована склеенная в несколько слоев береста, поволоченная сверху крашенным в синий цвет холстом. Подобных громоздких конструкций в заимочной коллекции нет; возможно, это объясняется сравнительно большим объемом Канонника (146 лл.).



Рис. 4. Рисунок с изображением охотника (ТОКМ, 6)

Репертуар рукописей на бересте из описываемой коллекции включает в себя три основных сегмента: это рукописи богослужебные и уставные, а также четьи и бытовые. Общее соотношение групп выявленных текстов на бумаге и бересте приведено в работе Е.Е. Дутчак (служебные – уставные – четьи: 24 % – 3 % – 73 %) [12]. Бросается в глаза тот факт, что собственно богослужебных рукописей среди написанных на бересте совсем немного: это 4 ед. в составе собрания ТОКМ [11. 7334, 7384, 7057, 7060], а также незначительные по объему богослужебные тексты в составе трех сборников ОРКП [10. В-5902, В-5903, В-5906]. При этом трудно сказать, что богослужебные рукописи заимочной коллекции в целом составляют полный круг: среди рукописей на бумаге имеются четыре списка Псалтири [11. 7365, 7367, 7374, 7329] (один из них – Псалтирь толковая в переводе Максима Грека [11. 7329]), списки отдельных псалмов [11. 7363], два месяцеслова [11. 7027, 7110] и часовник [11. 7331]. В составе берестяных рукописей читаются тексты молитв, лунного календаря, месяцеслова и фрагмент литии за умер-

ших (4 ед., все – в составе ТОКМ [11. 7334, 7384, 7057, 7060], 1 ед. – в составе ИИ СО РАН [13. 3/91]), а также отдельные молитвы и песнопения в составе сборников, хранящихся в НБ ТГУ (3 ед.) [10. В-5902, В-5903, В-5906].

При этом количество четьих текстов несоизмеримо больше: 9 ед. в собрании ОРКП [10. В-5901, В-5902, В-5903, В-5904, В-5905, В-5906, В-5907, В-11.185, В-17.094], 5 – в собрании ТОКМ [11. 7335, 7361, 7368, 7056, 7061], 4 – в ИИ СО РАН [14. 1/91, 2/91, 2/92, 3/92]; необходимо учитывать также, что существенная часть их являются сборниками, т.е. это рукописи, включающие не один текст, а несколько. Впечатляет также количество бытовых текстов. Наиболее известна из них «Книга Пасхальная» [14. 2/92], которой уже был посвящен ряд публикаций, указанных выше. Численно преобладают четьи и бытовые тексты; количество и состав текстов богослужебных и уставных наводит на мысль о том, что их переписка не входила в приоритеты общинников.

Если рассмотреть тематику четьих текстов в той части коллекции, которая переписана на бересте, можно отметить следующие закономерности. Подавляющее их большинство относятся к категории житийных: это целый ряд выписок из Патерики [10. В-5901, В-5903, В-5905], Пролога [11. 7061], отдельные жития [11. 7335]. Текстуально рукописи на бересте и рукописи на бумаге не пересекаются: так, среди рукописей на бересте представлены выписки из Ефрема Сирина [10. В-5902, В-5904], а среди бумажных – из Златоуста [11. 7332. 7371, 7338 и др.] и т.д. Вероятно, этот факт говорит о том, что рукописи на бересте выполняли функцию восполнения лакун в репертуаре чтения. Являются ли при этом рукописи на бересте списками с печатных книг, имевшихся в составе заимочной коллекции, сказать на настоящий момент невозможно, поскольку печатные книги, видимо, по разным причинам не попали в государственные собрания.

При этом следует помнить, что весьма существенная часть имеющегося сейчас в распоряжении исследователей собрания так или иначе связана с именем Н.Ф. Коноваловой, анализ почерков рукописей из собраний ОРКП и ИИ СО РАН показывает их типологическую и тематическую близость к документам Натальи. Не исключен тот факт, что мы имеем дело не с архивом и библиотекой общины, а с личным архивом одного человека. Так, рукописи, инвентаризированные в ТОКМ под номером 12.676 (более 40 ед.), при первичном описании были обозначены Л.Н. Приль как «Архив Н.Ф. Коноваловой».

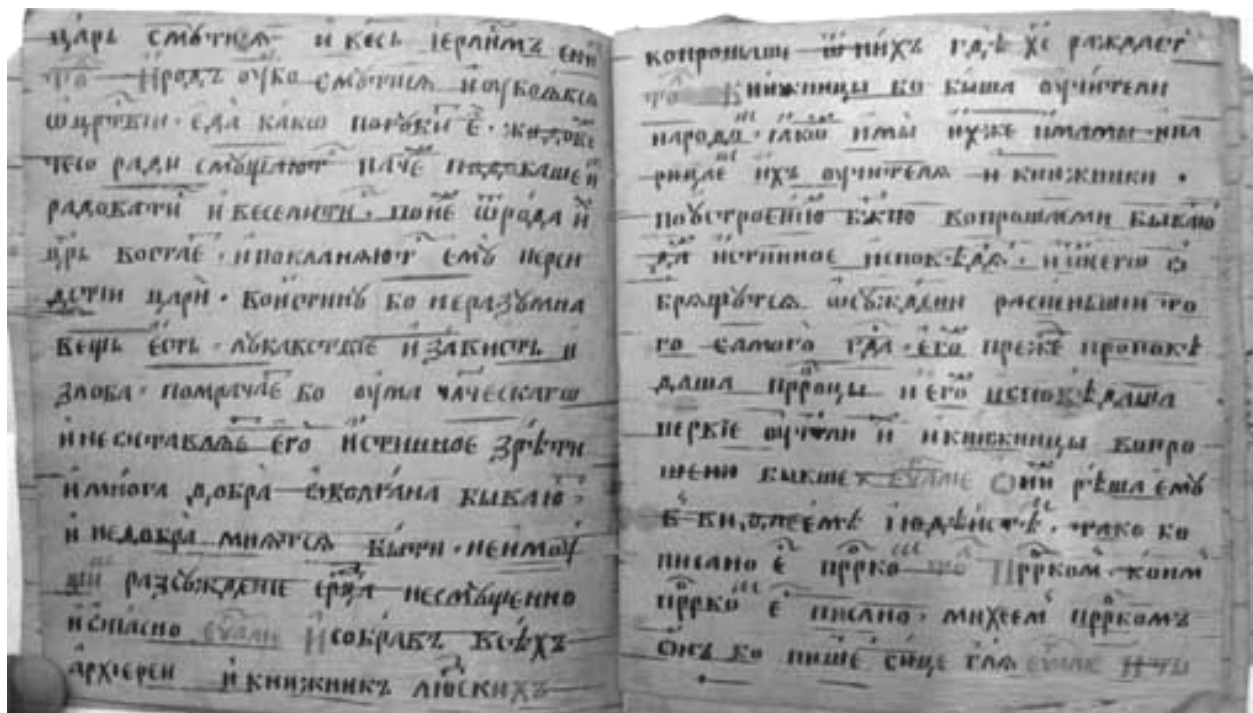


Рис. 5. Дневниковые записи (ТОКМ, 36)

Особое внимание обращают на себя имеющиеся в составе коллекции дневниковые записи, в том числе – на бересте. При публикации текста «Книги пасхальной» А.И. Мальцев упоминал, что «первая по времени подробная запись за 1956 г. каким-то образом оказалась отделенной от других, ныне она хранится в Томском областном краеведческом музее под отдельным номером» [9. С. 265]. Уже после того, как описание О.Н. Бахтиной было опубликовано, Л.Н. Приль была составлена черновая опись на еще одну часть заимочной коллекции, в составе которой оказались несколько записей дневникового характера. При ближайшем знакомстве с ними оказалось, что по крайней мере три отдельные единицы представляют собой разрозненные части блока, ранее представлявшего собой единое целое (рис. 5) [11. 12676/6, 12676/36, 12676/37]. Вывод о том, что это фрагменты единого блока, основывается на том, что по левому краю листов сохранились проколы, сделанные для прошива листов (тетрадь была скреплена прошивом через край, а не тетрадной брошюровкой). Специфичное расположение проколов (например, двойной прокол второго сверху отверстия) позволяет однозначно отнести эти единицы в состав единого блока. Отметим, что если этот вывод верен, то получается, что в один блок были сброшю-

рованы не только дневниковые записи, но и рисунки, и даже счет яиц [11. 12676/6].

Весьма существенная часть рукописей на бересте (почти половина) — это однолистные записки сугубо бытового характера: личные письма, многочисленные заметки о пересчете яиц, снесенных курами, пробы пера. Этот факт однозначно свидетельствует о том, что письмо очень широко было распространено в быту скитников, было для них совершенно естественным, причем использовалась по преимуществу кириллическая письменность. Однако она не воспринималась как некий священный атрибут, связанный только и исключительно с сакральным миром; напротив, она широко использовалась и в бытовой сфере.

Использование бересты как материала для письма вполне могло быть обусловлено простым отсутствием бумаги, о чем свидетельствуют и письма, обращенные к скитникам. Так, в одной из записок, обращенных к Н. Коноваловой с Елтыревской охотбазы, читаем: «Кладу лесток бумаги для письма» [11. 12.676/20]. Очевидно, о нехватке бумаги в скитах были осведомлены мирские контрагенты скитников — и периодически помогали в решении этой проблемы. Подобная точка зрения была высказана А.И. Мальцевым и поддержана Л.Н. Приль [8, 9]; судя по результатам

рассмотрения коллекции, есть смысл к ней присоединиться.

Таким образом, получается, что берестяные рукописи, сохранившиеся в составе заимочной библиотеки, репертуарно восполняли круг чтения скитников в части преимущественно житийных и поучительных текстов, не перекрывая репертуар рукописей на бумаге того же собрания. Среди текстов нет ни ряда стандартных богослужебных, ни серьезных полемических, ни догматических сочинений. Кроме того, письма на бересте выполняли коммуникативную функцию; делались на бересте и различные записи бытового характера. Почерки и методы письма и оформления рукописей свидетельствуют скорее о размывании кириллической традиции, чем о тщательном ее сохранении. Используемый материал для письма и тип почерка не являлись жестким маркером для разделения сфер сакрального/профанного. Бессистемность употребления материалов и средств письма говорит о безразличии писцов к этому вопросу.

В целом рассмотренная коллекция подтверждает необходимость более тщательного исследования практически не изученных по сей день поздних рукописей на бересте. Они чрезвычайно интересны именно как исключение из правил, как примеры возрождения/затухания кириллической традиции — даже в том случае, если они являлись лишь единичными примерами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтина О.Н. Сибирская крестьянская библиотека. Новые поступления Томского областного краеведческого музея // Русская

книга в дореволюционной Сибири. Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 139–161.

2. Бахтина О.Н. Некоторые проблемы описания рукописей на бересте XX в. // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): Посвящается 45-летию научно-педагогической деятельности Е.И. Дергачевой-Скоп / Сост. и ответ. ред. О.Н. Фокина, В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2011. С. 981–988.

3. Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Есипова В.А. Рукописи на бересте в XX веке: сакральные и социальные аспекты крестьянской литературы // Вестник РГНФ. 2011. № 3(64). С. 86–95.

4. Дутчак Е.Е. Скитская колонизация Западной Сибири: общее и особенное // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): Посвящается 45-летию научно-педагогической деятельности Е.И. Дергачевой-Скоп / Сост. и ответ. ред. О.Н. Фокина, В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2011. С. 949–964.

5. Есипова В.А., Куклина Т.Э., Данченко А.М. Рукописи на бересте: проблемы описания и терминологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. №1(13). С. 121–127.

6. Старикова Г.Н. «Женские записки» старообрядческой коллекции: к проблеме единства содержания и формы текста // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9. С. 35–39.

7. Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН / Сост. А.И. Мальцев, Т.В. Панич, Л.В. Титова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 400 с.

8. Приль Л.Н. «Островной летописец» // Тр. Томск. гос. объедин. ист.-архитект. музея. Томск, 1995. Т. 8. С. 183–222.

9. Мальцев А.И. «Книга пасхальная» — берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 263–272.

10. Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ).

11. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ).

12. Дутчак Е.Е. Кириллические книжные собрания и их владельцы: сравнительный анализ конфессиональных стратегий староверия // Вестник РУДН. Серия «История России». 2011. № 4. С. 85.

13. ИИ СО РАН.